

О СЕМАНТИКЕ РЕДУПЛИКАЦИИ

SEMANTICS OF REDUPLICATION

M. Safarova

Annotation

Many works have been written about the semantic characteristics of reduplication. Majority touch either semantics of reduplication in individual languages or separate aspects. Frequently significance of repetition, intensity, and reciprocity is considered. However in the row of languages significance coverage of reduplication is broader. Consequently, significance line of reduplication has not been investigated completely yet, especially in the branch of typology. In the article we deal with the meaning of weakening, similarity, expressed by reduplication in the languages of various typology. The meaning of weakening is realized mainly by reduplication, whereas the meaning of similarity by reduplication of nouns as well as of predicative.

Keywords: weakening, intensity, repetition, plurality.

Сафарова Мехрибан Ганимат
Азербайджанский
Университет Языков

Аннотация

По семантической характеристике редупликации написано немало работ. Большинство из них затрагивает семантику редупликации в отдельных языках или же отдельные аспекты ее. Чаще всего рассматриваются значения повторности, интенсивности, многократности, взаимности. Однако в ряде языков круг значений редупликации значительно шире. Следовательно, ряд значений редупликации все еще остается вне поля зрения исследователей, особенно в плане типологии. В настоящей статье мы рассматриваем значения ослабленности, подобия, выражаемые редупликацией в языках различной типологии. Значения ослабленности реализуются в основном редупликацией предикативов, тогда как значения подобия – редупликацией как существительных, так и предикативов.

Ключевые слова:

Ослабленность, интенсивность, многократность, множественность.

Под значением ослабленности подразумевают не только значение ослабленного качества, но также значение ослабленности действия несостоявшегося, предстоящего [Алиева 1980, 20].

Значение ослабленного качества выражается редупликацией прилагательных, которые в ряде языков включены в класс предикативов. В зависимости от морфологического типа языки проявляют различные модели редупликации, каждая из которых имеет конкретное значение, а иногда несколько значений. В классе предикативов качества редупликация основы реализует противопоставление неинтенсивность – ослабленность: малг. *maty* 'мертвый' – *matymaty* 'полумертвый', *mena* 'красный' – *mena-mena* 'красноватый', *adala* 'глупый' – *adaladala* 'придурковатый' [Аракин 1980, 25]. Исходя из малагасийского примера, В.Д. Аракин заключает, что удвоения имеют значение ослабленной степени качества относительно значения исходной основы [там же]. Действительно, часто, но все же не всегда значение ослабленности или интенсивности, образуемое редупликацией, зависит непосредственно от семантики редуплицируемого слова. Ср. русс. громкий и громкий–громкий, но медленный и медленный–медленный. Можно возразить, что редупликацией слова медленный образуется значение не ослабленного, а, наоборот, значение усиления медленности. Кроме того, как показывают примеры индонезийского языка, редупликация нередко приводит к полной утрате словом первичной семантики. Ср. *hati* 'печень, сердце' – *hati-hati* 'осторожный, внимательный' [БИРС 1990а, 306], *mata*

'глаз. глаза' – *mata-mata* 'шпион' [БИРС 1990б, 27].

При обозначении ослабленности действия удвоение может выражать попытку сделать что–л., кратковременность действия или процесса. Исследователь мадурского языка А. К. Оглоблин вслед за Р. Якобсоном [Якобсон 1970], называя удвоение "иконическим" средством языка, связывает его в первую очередь с идеей меры и количества. "По отношению к разным видам лексических значений эта общая идея модифицируется: для предметных значений – как множественность, разнообразие и сходство, для значений качеств – как степень качества, для процессов – как длительность и многократность, – пишет он. При этом возможно изменение значения в сторону "увеличения и усиления" (чаще) или в сторону "уменьшения и ослабления" (реже). Так, в повторе *tjan-matjapan* 'изображение тигра' от *matjapan* 'тигр' значения подобия, по существу, есть "ослабление" свойства "тигровости", полярно противоположное собственному иконическому усилению" [Оглоблин 1980, 173].

Это характерно и для вьетнамского языка. Прилагательные в этом языке образуют повторы, аналогичные по форме повторам глаголов психического состояния и с тем же значением ослабленной степени признака. Встречается также "стилистический повтор (результат удвоения прилагательных и глаголов психического состояния) со значением интенсификации, это всегда полный повтор, независимо от тона и звукового состава удваиваемого корнеслова, например: *dep dep* 'красивый–красивый', *tiec tiec* 'сожалеть да сожалеть', *cham cham* 'мед–

ленный–премедленный' (ср. с дивергентными формами *dem der* 'довольно красивый', *tieng ties* 'немного сожалеть', *cham cham* 'довольно медленный').

Повторы, образованные от корнеслов с 1–м и 2–м тонами и имеющие значение ослабленной степени признака, по форме аналогичны стилистическим повторам с субъективно–оценочным значением интенсификации. Так, повтор *tau tau* в зависимости от контекста может иметь значение и "довольно быстро", и "быстро–пребыстро", – отмечают И.И.Глебова и А.Н.Ситникова [Глебова и др. 1980, 57–58].

Выражение редупликацией значения подобия отмечено и в азербайджанском языке. Причем это характерно для существительных и субстантивированных прилагательных: *usaq–usaq danismaq* "пустословить как как ребенок", *boyuq–boyuq danismaq* "говорить высокомерно". Однако, как и во вьетнамском языке, редупликацией прилагательного чаще выражается интенсивность, многократность, множественность. Это зависит от того, какую часть речи оно присоединяет в постпозиции (Ибо в азербайджанском языке редупликация некоторых прилагательных всегда образуют только наречия. Так, от редупликации прилагательного *həzin* "грустный, печальный" образовано *həzin–həzin* "грустно, печально", всегда выступающее как наречие. Ср., однако, *quru vəd* "пустое обещание" – *quru–quru vədlər* "пустые обещания", *quru danismaq* "говорить сухо" – *quru–quru danismaq* "говорить без доказательств"). Ср. *uzun–uzun gecələr* "длинные ночи", *yasıl–yasıl meşələr* "зеленые леса" (интенсивность), где прилагательные употреблены в сочетании с существительными и выступают в качестве определения, и *bis–bis gülmək* "хитровато улыбнуться", *həzin–həzin oxumaq* "петь грустно (и долго)", где они употреблены в сочетании с глаголами и выступают в качестве обстоятельства образа действия (интенсивность), *ev–ev gəzmək* "обходить дома", *qarlı–qarlı dustmək* "обходить дома", *səhər–səhər dolasmaq* "обходить города" (многократность – амбулатив).

Модель редупликации со значением слабой степени

качества отмечена также в лезгинских языках, хотя она, как пишет А.С.Алисултанов, непродуктивна: буд. *чиг–чиг* 'сырой, сыроватый' (< *чиг* 'сырой, несваренный'), уд. *кедже–кедже* 'кисло–сладкий, кисловатый' (< *кедже* 'кислый') [Алисултанов 2012].

В индонезийских языках значение подобия выражается редупликацией существительного (иногда с дополнительной аффиксацией): индон. *kuda–kuda* 'лошадь, конь' – *kuda–kuda* 'козлы (для строительных работ)' [БИРС1990а, 476], *orang* 'человек' – *orang–orang* 'манекен; кукла; пугало' [БИРС1990б, 79 и 83], сунд. *tangan* 'рука' – *tangan–tangan* 'ручка (кресла)' [Павленко 1965, 31]. По словам Х.М.Зарбалиева, в индонезийском языке значение подобия или ослабленности действия может передаваться редупликацией некоторых отыменных глаголов тоже: *kerusia–rusiaan* 'говорить русским акцентом или употреблять в своей нерусской речи русские слова (умышленно, чтобы показать себя знающим русский язык)'. Кроме того, редупликация некоторых глаголов, хотя и обозначает неоднократность действия, все же обладает коннотацией ослабленности: *datang* 'приходить, приезжать' – *datang–datang* 'приходить, захаживать' [БИРС1990а, 203] (неоднократно, но иногда, время от времени).

Таким образом, значение ослабленности, подобия редупликацией выражается во всех рассмотренных языках. В этом плане языки различаются лишь формой и средствами редупликации. Кроме того, в некоторых языках редупликация приводит к энантиосемии – внутрисловной антонимии, образованию противоположных значений внутри слова: неинтенсивность – ослабленность.

Сокращения

- буд. – будухский
- индон. – индонезийский
- малг. – малагасийский
- русс. – русский
- сунд. – сунданский
- уд. – удинский

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева Н.Ф. Слова–повторы и их проблематика в языках Юго–Восточной Азии (вместо предисловия) // Языки Юго–Восточной Азии. Проблемы повторов. М.: "Наука", 1980, с.3–22.
2. Алисултанов А.С. Редупликация в лезгинских языках. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Махачкала, 2012 // <http://cheloveknauka.com/reduplikatsiya-v-lezginiskih-yazykah>
3. Аракин 1980 – Аракин В.Д. Удвоение в малагасийском языке // Языки Юго–Восточной Азии. Проблемы повторов. М.: "Наука", 1980, с.23–32.
4. Глебова и др. 1980 – Глебова И.И., Ситникова А.Н. Грамматическая классификация неосложненных повторов в современном вьетнамском языке // Языки Юго–Восточной Азии. Проблемы повторов. М.: "Наука", 1980, с.48–75.
5. БИРС1990а – Большой индонезийско–русский словарь. В 2–х томах. Т.1. М.: Русский язык, 1990.
6. БИРС1990б – Большой индонезийско–русский словарь. В 2–х томах. Т.2. М.: "Русский язык", 1990.
7. Оглоблин 1980 – Оглоблин А.К. Материалы по удвоению в мадурском языке // Языки Юго–Восточной Азии. Проблемы повтор. М.: "Наука", 1980, с.165–177.
8. Павленко А.П. Сунданский язык. М.: "Наука", 1965.
9. Якобсон 1970 – Якобсон Р. В поисках сущности // Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики. № 16. М., 1970.